

14 МАЯ 1972

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

г. Пермь

С ДЕРЖУ в руках тоненькую брошюрку. Она пожелтела от времени. Впрочем и в момент издания грубая почти оберточная бумага наверняка была желтой. Но я испытываю к этой книжке величайшее уважение. На обложке — сверху и по бокам — изображено солнце с расходящимися лучами. Они озаряют разорванные цепи. Внизу — еще кусок цепи. Книжка вышла в 1919 году под девизом «Кому пролетариат ставит памятники». Название — «Людвиг ван Бетховен».

В страшные, голодные, тифозные военные годы молодая Советская республика в ряду светлых имен прошлого помнила, чтла имя великого музыканта. Современность и революционность взглядов и помыслов Бетховена прежде всего и выше всего отражена в его музыке. «Вы кончите свои дни на эшафоте!» — крикнул композитору некий современник. Это был вопль обывателя, выведенного из себя не столько вольнолюбивыми высказываниями композитора, сколько взрывной силой хлопочущей в его музыке.

Впрочем, и в его высказываниях выявляется удивительная способность Бетховена быть современным во все времена. Вот несколько его мыслей: «Свобода и прогресс —

такова цель искусства». «У каждого подлинного музыкального произведения есть идея». «Музыка — народная потребность». «Нет ничего выше и прекраснее, чем давать счастье многим людям». «Музыка должна высекать огонь из мужественных сердец».

БЕТХОВЕН

Творческий путь великого музыканта тернист, трагичен. Это был путь человека, отягощенного очень человеческими недостатками, но абсолютно честного, одинокого, замкнутого и своеобразного, преисполненного невиданной энергии и силы воли, испытывавшего тяжелые удары судьбы и лишь редко наслаждавшегося счастьем общения с равными ему умами, путь человека, которого, быть может, никогда не коснулась настоящая любовь, гения, преследуемого и покоренного демонами его вдохновения...

Это путь человека, который, испытывая физические мучения, зная о неотвратимости самого страшного недуга для музыканта — глухоты, метался между отчая-

нием и мужеством. «Мои уши! В них шумит и гудит день и ночь! Могу сказать, что я влачу жалкое существование. Вот уже два года — пишет он в 1802 году другу Верелеру. — я почти полностью избегаю всякого общества, потому что мне невыносимо сказать лю-

дям: я глухой. Если б у меня было другое занятие, это было бы все же легче, но при моем ремесле это состояние ужасно.

...Что со мною будет дальше — бог знает. ...Плутарх научил меня смирению...

Смирению? Нет! Мужество! — восклицает Бетховен. — Мой дух должен господствовать даже при всех слабостях тела».

Страшная мысль о самоубийстве, посещает Бетховена в местечке Гейлигенштадт, следствием чего явился широко известное гейлигенштадтское завещание братьям Карлу и Иоганну. Сердце сжимается, когда читаешь эту строчку из завещания: «О провидение, пошли мне хоть однажды

день чистой радости!». И вновь яростно порывает Бетховен с минутной слабостью: «Нет! Я схвачу судьбу за глотку! Совсем согнуть ей меня не удастся».

Революция и Бетховен — не надуманное сопоставление.

Антон Рубинштейн мудро заметил, что «Оду к радости», венчающую гигантское сооружение 9-й симфонии, следовало бы назвать «Одой к свободе» — призыв к объединению миллионов в единую братскую семью столь созвучен призыву коммунистического Манифеста — «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

Творчество Бетховена принадлежит всему человечеству, но у русских к нему всегда было особое отношение. Пожалуй, именно в России тиранические, вольнолюбивые идеи и образы Бетховена вызывали особый энтузиазм.

Известно отношение В. И. Ленина к творчеству Бетховена и к его пламенной «appassionato».

В каждом творении Бетховена слышится героический зов. Но есть произведения вершинные, где декларируются устремления, идеи и символ веры автора. Таковы патетическая соната, аппассионата 3-я, героическая симфония, детище французской революции, первое обобщенное вы-

ражение революционных идей в жанре симфонии, такова 9-я симфония — величайшее творение человеческого гения.

Замечательный русский композитор С. И. Танеев высказал как то глубокую и примечательную мысль. Если бы на землю явился шлоплетный пришелец, которому необходимо было бы дать представление о жизни человеческой, ее содержании, ее проблемах, о жизненной борьбе людей и их жизненных надеждах, ему достаточно было бы послушать 9-ю симфонию Бетховена.

...В последние минуты жизни Бетховена, — вспоминает один из современников, Хюттенбреннер, — в комнате умирающего остались только я и жена его брата. После 5 часов молния со страшным громом ярко осветила комнату умирающего. Бетховен открыл глаза, поднял правую руку и, вытянув вверх сжатый кулак, глядел со строгим, угрожающим лицом. Когда он опустил поднятую руку на постель, его глаза наполновились закрылись. Больше он не дышал, и сердце не билось. Я закрыл уснушему глаза.

Таков Бетховен в нашей памяти — великий человек всех времен, грозный ниспосылаемым с небес громам и молниям, вечный, как его музыка.

Э. ПЕСИКОВ.